

также вложивший много труда в укрепление пожарной безопасности района. А ныне Аннинскую пожарную часть возглавляет молодой, энергичный майор Геннадий Кузьмич Максимонок, перенявший все самое лучшее от своих предшественников.

То есть то, что было заложено старшим поколением, и, в первую очередь, Николаем Александровичем Юрьевым, стало традицией для этого подразделения, традицией высокого профессионализма, самоотдачи, влюбленности в свою работу.

ПОД СВИСТ ОСКОЛКОВ

Я, подполковник технической службы в отставке, ныне пенсионер, Евченко Леонид Яковлевич, в пожарной охране отслужил 38 лет, участвовал в ликвидации многих пожаров, в том числе крупных и сложных. Об одном из них, который был мало кому известен, меня и попросили рассказать.

Все знают, что осенью 1944 года доблестная Красная Армия завершила изгнание с территории своей страны гитлеровских головорезов и приступила к успешному выполнению исторической миссии — освобождению стран Западной Европы от фашистского ига. И, безусловно, большую роль в этом сыграли воины Воронежского фронта, позднее переименованного в 1-й Украинский, в котором я находился с момента его организации до выхода на границу СССР с Польшей.

Но торжествовать по поводу капитуляции немецкой армии и ее сателлитов непосредственно на фронте мне не пришлось. Потому что в конце августа я из госпиталя был направлен в Воронеж в распоряжение Артуруправления Орловского военного округа и назначен начальником пожарной охраны окружного артиллерийского склада, находящегося в селе Масловке.

К этому времени со всех фронтов Великой Отечественной на тыловые

склады поступали различного рода трофеи, в том числе вооружение и боеприпасы. Так на Масловский артиллерийский склад привозили подобранные с полей сражений снаряды, дополнительные заряды к ним, мины, патроны всех видов, гранаты и множество пиротехнических средств немецкого, польского, итальянского и другого производства.

Некоторые боеприпасы находились на боевом взводе, и поэтому малейшая неосторожность могла привести к взрыву одного из них и детонации других, а в результате — к страшной катастрофе.

Сотни штабелей боеприпасов, похожих на бараки, хранилища с вооружением, мастерские и разгрузочно-погрузочная площадка на железнодорожном тупике. Все это располагалось на территории склада. А буквально рядом, в землянках, размещался запасной стрелковый полк.

Пожарная охрана склада численностью 10 человек размещалась тоже в землянках и, имея на вооружении всего одну мотопомпу промышленного типа и несколько немецких понтонов, которые использовались в качестве пожарных водоемов, была мало приспособлена для тушения крупных пожаров.

И вот в первых числах сентября произошло ЧП невиданного масшта-

ба. С раннего утра на железнодорожной площадке производилась разгрузка прибывшего с фронта эшелона, в составе которого были два вагона, загруженные нашими двухсотмиллиметровыми снарядами, и несколько вагонов с трофейными боеприпасами. На этой же площадке находилось и значительное количество еще не рассортированных обычных и реактивных снарядов, мин, гранат, бездымного пороха, тола, оружейной и артиллерийской смазки.

Поначалу все шло нормально. Разгрузкой эшелона руководили заместитель начальника склада по политчасти и два младших офицера, только окончивших курсы при Тамбовском артиллерийско-техническом училище. Но в 9 часов 30 минут неожиданно в одном из вагонов произошел взрыв и вспыхнуло пламя (подобное тому, которое мы сейчас наблюдаем при пуске ракет), перекинувшееся затем на штабель боеприпасов.

Почти все офицеры и солдаты с основной территории бросились к месту взрыва. А уже к моменту нашего прибытия большая часть вагонов и штабелей была охвачена сплошным огнем, но взрывы больше не повторялись.

Из людей, которые были на разгрузке эшелона, я увидел только замполита, стоявшего с окровавленным лицом, и часового, сидевшего в окопчике. Большинство остальных погибло сразу же после первого взрыва.

Не помню, по чьей инициативе было принято решение откатить уцелевшие вагоны, и в первую очередь, с двухсотмиллиметровыми снарядами, но пока производилась расцепка вагонов, последовала серия взрывов.

Начальник склада делал все возможное, чтобы не допустить взрыва на основной территории. С ним мы ползком и короткими перебежками добрались до землянки, где размеща-

Участник Великой Отечественной войны Л. Я. Евченко (бывший начальник учебного отряда ВПО, ныне пенсионер)

лась пожарная команда, и вместе с бойцами, вручную, доставили мотопомпу к ближайшему от ветки понтону с водой.

Однако после этого взрывы не только не прекратились, но и еще усилились. В воздухе сплошным фейерверком летела горящая щепка от вагонов и деревянной упаковки, свистели осколки, падали невзорвавшиеся снаряды, мины, а от ветки навстречу нам двигалась лавина горящей смазки.

Установив мотопомпу на понтон и поставив бойцам задачу остановить дальнейшее движение горящей смазки в сторону основной территории, мы с начальником склада бегом оценили первые наши действия. Они состояли в том, чтобы не допустить загорания ни одного штабеля с боеприпасами, а для этого нужно было на каждый штабель поставить хотя бы по одному человеку, который бы сбрасывал падающую, словно дождь, горящую

щепу. Нужны были сотни людей. Работников склада для этого явно не хватало, к тому же часть из них уже погибла.

В это время к складу подъехал пожарный автомобиль ПМГ-2 с боевым расчетом, который полностью состоял из женщин, но возглавлялся старшиной-мужчиной. Это была, кажется, пожарная команда МВД, которая тогда располагалась на углу Октябрьского проспекта и улицы Димитрова.

Женский боевой расчет был оставлен на месте работы мотопомпы, а бойцов пожарной команды склада распределили на ближайших к ветке штабелях. Причем нужно отметить, что женщины при ликвидации этого ЧП проявили исключительный героизм и бесстрашие, не отступив ни на шаг от вверенного им объекта.

Посоветовавшись с подполковником Петровым, я направился в полк за людьми, но встретил командующего артиллерией округа генерал-майора Бушуева. Выслушав мой доклад, генерал одобрил наше решение и приказал офицерам штаба вызвать запасной полк, а мне и начальнику склада явиться к командующему округом для дальнейших распоряжений.

Тушением пожаров в самом селе Масловке, где горели одновременно 17 домов, руководили начальник ОПО УМВД капитан А. В. Михайлов и его заместитель по политчасти старший лейтенант Б. А. Рассказовский. Через какое-то время они пришли на склад, намереваясь забрать единственный пожарный автомобиль с боевым расчетом. Я возразил им, сказав, что этого делать нельзя, ведь иначе горящая лава двинется на основную территорию непосредственно к штабелям боеприпасов, и тогда все наши усилия будут уже бесполезны. Одновременно я им напомнил, что, в соответствии с по-

ложением, руководителем тушения пожара на складе боеприпасов является начальник пожарной охраны этого склада, и подчиняться необходимо лишь его указаниям.

Но, к сожалению, доводы мои оказались тщетными, и тогда я вынужден был обнажить пистолет и приказать всем оставаться на месте, чтобы продолжить выполнение поставленной перед ними задачи. Таким образом, отделение осталось, а Михайлов и Рассказовский ушли в Масловку.

Вскоре прибыли и офицеры полка. На каждый штабель были поставлены по 2-3 солдата, работу которых они возглавили. И хотя трудились все слаженно и напряженно, только спустя шесть часов после начала этого ужаса взрывы снарядов и мин прекратились. А еще через час вступившие на ветку пожарные, которые, прикрываясь фанерными и металлическими щитами, вели самоотверженную борьбу с огнем, ликвидировали пожар и сохранили тем самым основную территорию склада.

После демобилизации в 1946 году я зашел в ОПО. Его начальник Алексей Владимирович Михайлов, конечно, узнал меня и сказал: «Иди работать ко мне».

Сначала Леонид Яковлевич Евченко был заместителем начальника части. Впоследствии работал в аппарате управления, исполняя обязанности инспектора, старшего инспектора и начальника отдела службы и подготовки. Когда же создавался учебный пункт пожарной охраны, он был первым его начальником, а потом и первым руководителем школы ВПО. Именно под его руководством это учебное подразделение часто занимало призовые места в системе МВД Союза.

Леонид Яковлевич был прекрасным педагогом и воспитателем. И не

только потому, что кроме пожарного, получил соответствующее высшее педагогическое образование, но и по призванию, которое, что называется, имел от Бога.

Как-то в воскресенье, когда многие курсанты ушли в город, начальник учебного пункта, пост которого тогда занимал Евченко, молча сидел в своем кабинете. И вдруг он услышал какие-то дикие звуки пианино, доносившиеся из Ленинской комнаты, как будто кто-то чем-то тяжелым колотил по клавишам инструмента.

Евченко не выдержал и, заглянув в дверь ленкомнаты, увидел, как курсант Битков, сидя на стуле, бил каблуками кирзовых сапог по клавишам пианино. Заметив стоявшего в дверях начальника, Битков вскочил, опрокинув с грохотом стул на пол: «Виноват», — поправляя гимнастерку, извинялся «пианист», — ожидая крайнего его возмущения, угрозы отчисления и увольнения из органов. Но каково же было его удивление, когда ожидаемого разноса не последовало. Подполковник Евченко, еще раз посмотрев на него, махнул рукой и ушел. Дескать, что возьмешь с этого человека.

Новоявленный «музыкант» не знал что делать и чего ждать. Несколько дней ожидал наказания, решения своей судьбы, но так и не дождался. Однако нервы его не выдержали, и он без приглашения пошел в кабинет начальника.

«Садитесь, слушаю вас, сержант Битков», — неожиданно мягко, доброжелательно встретил его Евченко, всем своим видом показывая, что ничего плохого не помнит.

«Извините меня, виноват, дурак я безумный, не знал что делал, какое-то наваждение нашло на меня», — оправдывался Битков и подал один рапорт об отчислении, а второй — на

имя своего начальника части — об увольнении из органов вообще.

«Вы не торопитесь, молодой человек, никто вас не выгоняет, но и никто не разрешит вам делать глупости, — прореагировал Евченко. — Вы ж не ребенок, а взрослый человек, к тому же семейный. Делайте правильные выводы. Все. Вопросы есть?» «Вопросов нет,» — ответил недоумевающий курсант, сразу проникший большой симпатией к Леониду Яковлевичу.

Курсант Битков окончил курсы с отличием. А года через два, поздравляя начальника учебного пункта с Новым годом, похвастался ему своим назначением на должность начальника караула.

Очень добросовестно, на высоком профессиональном уровне исполнял Леонид Яковлевич и обязанности начальника отдела службы и подготовки. Он был строг, последователен, высокотребователен, но в то же время очень корректен и доброжелателен. Интеллигентный и деликатный, он никогда и ни с кем не обращался грубо. Являясь достаточно подготовленным специалистом пожарного дела, Евченко все равно, не в пример другим, стремился к повышению знаний — занимался самообразованием, был самым внимательным слушателем на служебной подготовке, старался разобраться в каждой теме и каждом вопросе до мелочей, не считал для себя зазорным проконсультроваться, спросить о чем-то у рядового пожарного или инспектора, если знал, что они хорошо разбираются в интересующем его вопросе.

С назначением Леонида Яковлевича на эту должность возросли дисциплина и порядок, улучшилась организация пожаротушения, и, конечно же, поднялся авторитет служебной подготовки начсостава. Вспоминается

случай, произошедший во время одного из подведений итогов профессиональной подготовки начсостава гарнизона пожарной охраны, когда в зале вдруг раздался громкий голос капитана Малькова: «Хватит, закрывайте говорильню, это всем давно известно...»

Зал затих, ожидая реакции Евченко, и, выдержав паузу, он вымолвил: «Вы почему так себя ведете?! Вы где находитесь?! Вы для чего погоны надели?! Ваша распушенность, поверьте, авторитета вам не прибавляет!» Все сидевшие в зале молча одобрили отповедь начальника отдела службы. Однако после завершения совещания Леонид Яковлевич неожиданно для многих извинился перед Мальковым за свою резкость и нетактичное замечание.

Тогда я, еще молодой сотрудник УПО, не понял такого жеста старшего начальника. Ведь, на мой взгляд,

извиниться перед нарушителем дисциплины за то, что сделал ему правильное замечание, — означало признать себя не правым, а виноватым. Но, как я понял потом, опытный педагог знал, что делал. Капитан Мальков был поражен — перед ним прилюдно извинялся сам строгий и требовательный Евченко. Поэтому Мальков растерялся, не зная, что ответить на это, как вести себя. Из озлобленного и обиженного (как же, при всех «оттянул») он превратился в какого-то несмелого, виновного по всем статьям человека, сразу покраснел, чуть-чуть попятился и негромко (но всем было слышно) произнес: «Виноват, товарищ подполковник, этого больше не будет».

Христианский подход, который еще многие не приемлют, оправдал себя. И для всех нас, особенно молодых, это было большим уроком.

СМЕРТИ ВОПРЕКИ **(из воспоминаний блокадника)**

С времени Великой Отечественной войны прошло уже больше 50-ти лет, и сколько уж о ней было говорено, что кажется все ясно, ничего нового не скажешь. Однако в воспоминаниях и рассказах очевидцев той далекой войны каждый раз открываются все новые и новые факты, удивляющие, восхищающие и, наоборот, шокирующие...

У ветерана пожарной охраны Александра Тихоновича Ивлиева было тяжелое военное детство. Тяжелое настолько, что оно никак не вписывается в рамки представления о жизни сегодняшних детей, пусть даже и тех, которые родились в неблагополучных семьях и стали сиротами.

В 1941 году Ивлиев жил вместе с родителями и младшей сестренкой Людмилой в городе Колпино Ленинградской области. Двенадцатилетний мальчик видел, как плакали мужчины, слушая по радио сообщения о начале войны, как они шли в военкомат, не дожидаясь повесток, и как в сильно заболоченных и глинистых местах начались земляные работы, которые выполняли пятнадцатилетние мальчишки и девчонки.

Отец Александра Тихоновича ушел на фронт в первые дни войны и пропал без вести. А на руках у матери осталось двое несовершеннолетних детей.

Уже в июле началась эвакуация детей из Ленинграда, но семьи Ив-